

УДК 94(470)322.2
DOI: 10.17223/19988613/67/7

Л.И. Сосковец

1948 ГОД В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СССР

На основе анализа ранее не опубликованных документов Российского государственного архива социально-политической истории рассматривается вопрос о причинах и характере изменений, которые происходили в конфессиональной политике советского государства к концу 1940-х гг. Эти изменения означали окончательное свертывание так называемого «сталинского поворота к церкви», имевшего место в годы Великой Отечественной войны, а также значительное ухудшение возможностей для легального существования религиозных организаций в стране.

Ключевые слова: конфессиональная политика; религиозные организации; уполномоченный; верующие; уполномоченные.

Интерес к 1948 г. у исследователей, занимающихся изучением политики советского государства по отношению к религии, церкви, верующим и положения последних в социалистическом обществе, вполне закономерен. Этот год стал своеобразным рубежом, завершавшим период довольно необычного курса советского руководства относительно религиозных объединений, начавшегося в период Великой Отечественной войны, и возвращавшим обычные антирелигиозные и антицерковные практики большевистского государства.

Целью представленного сочинения является поиск в ходе анализа мероприятий государства и его уполномоченных органов – Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и Совета по делам религиозных культов (СДРК), проводившихся в это время, подтверждение и причины того, что так называемый «сталинский поворот к церкви» закончился, так и не став реальным изменением отношения партии и государства к религиозным организациям, церковным институтам и практикам.

Общезвестно, что ситуация военного времени вынудила государство прекратить масштабные гонения на религию и верующих, которые оно массивно и жестко осуществляло в 1920–1930-е гг. По всем проявлениям религиозности, церковности, веры был нанесен колоссальный удар, который привел к почти полному исчезновению из легальности всех проявлений религиозной жизни в стране. Но религиозная вера и потребность в культовых практиках не исчезли, они просто ушли в подполье. Нелегальная жизнь при всех сложностях была разнообразной: приходские общины, домашние монастыри, школы по религиозному воспитанию и обучению, благотворительные акции, паломничества к ликвидированным церквям и монашеским обителям, «святым местам». А с началом войны и вообще стало наблюдаться небывалое оживление самых разных сторон религиозной и церковной жизни. Государство воинствующего атеизма не могла не беспокоить такая ситуация.

Исследователи называют несколько причин, по которым сталинское руководство решило не только ослабить натиск на религиозные организации, но и предоставить им некоторые возможности для возрождения и жизнедеятельности, выделяя среди них как внешнеполитические, так и внутривнутриполитические факторы. К внешнеполитическим относят: необходимость создать у союзников по антигитлеровской коалиции имидж страны, в которой реализуется свобода совести; использование церквей и религиозных организаций, существовавших в СССР, для расширения контактов с населением тех стран, в решении политической судьбы которых СССР планировал участвовать после войны. Так, Русской православной церкви отводилась роль негласного лидера среди православных автокефальных церквей Восточной и Южной Европы. Предусматривалось ее участие в экуменическом движении. Правильное решение по верующим-католикам было необходимо по этой же причине, а также в связи с тем, что в состав Советского Союза не совсем добровольно вошли территории с католическим населением. По отношению к лютеранам этот фактор тоже был значимым.

Среди внутривнутриполитических причин отметим следующие. Надо было адекватно ответить на политику оккупационных властей, которые, исходя опять же из своих интересов, разрешали возобновлять на занятых ими советских территориях деятельность религиозных организаций, запрещенных в свое время советской властью. Патриотическая позиция большинства верующих, представителей духовенства, реально проявлявшаяся ими на фронте и в тылу, также подталкивала правительство к изменениям в сторону либерализации отношения к церквям и религиозным объединениям. Необходимость сплочения общества в тяжелые годы войны тоже повлияла на принятые в 1943 г. решения о восстановлении религиозно-церковной жизни в стране. Ну и, наконец, одной из решающих причин стало стремление властей поставить под контроль многочисленные нелегальные проявления религиозной

активности населения, для которого религиозная вера выступала мощным компенсационным фактором в тяжелейших жизненных условиях войны [1. С. 68–70].

Неожиданное на первый взгляд изменение курса правящего режима имело под собой, как видно, солидные основания. Этот курс получил в исследовательской литературе название «новый», «сталинский поворот». Некоторые видят в нем «коренное изменение» политики в конфессиональном вопросе. С последним вряд ли можно согласиться, поскольку власть не отказывалась от своей цели – уничтожения религии, церкви, веры. Это был тактический ход при неизменности стратегической линии, вполне рациональное решение, из которого планировали извлечь максимальную пользу для политической системы, а не собственно для верующих.

Тем не менее начиная с 1943 г. произошли значительные изменения и в положении религиозных организаций, и в проводимой по отношению к ним политике государства. Правительство приняло ряд постановлений, призванных легализовать церковную жизнь и при этом сохранить государственный контроль над религиозными организациями.

Были восстановлены или созданы руководящие центры большинства церквей – русской православной Московского патриархата, старообрядцев белокрыницкого согласия, духовные управления мусульман, Армяно-григорианской церкви, Церкви Адвентистов седьмого дня и др. Произошло объединение и было создано единое руководство протестантских конфессий – евангелистов и баптистов – Всесоюзный Совет евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ).

Начался прием заявлений от групп верующих различных исповеданий с просьбой зарегистрировать их объединение, вернуть и открыть молитвенный дом, т.е. официально возобновить их деятельность. Поток таких заявлений оказался для властей ошеломляющим, поэтому изначально для органов, отвечавших за прием и рассмотрение ходатайств верующих, существовала установка: не форсировать выдачу разрешений по всем заявлениям. Но все же с 1943–1944 гг. отдельные церкви и молитвенные дома разрешенных к существованию конфессий вновь начали свою жизнедеятельность.

Заметим попутно, что ряд вероисповеданий политика либерализации никак не затронула: они остались запрещенными либо как очевидно антисоветские организации, либо как «изуверские», наносящие вред здоровью своих членов. К таким объединениям относились иннокентьевцы, краснодраконовцы, истинно-православные христиане, истинно-православная церковь, истинно-православные христиане странствующие, Свидетели Иеговы, адвентисты-реформисты, а также скопцы, хлысты, трясуны, пятидесятники.

К 1948 г. работа по взаимодействию государства и религиозных организаций, по всестороннему контролю за деятельностью последних осуществлялась в рамках уже устоявшейся к этому времени системы. Действовали Совет по делам Русской православной церкви (создан в 1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (1944), а также их уполномоченные на местах.

Уполномоченные содержались за счет на местного (республиканского, краевого, областного) бюджета и административно подчинялись советским органам на местах. В оперативном отношении их работой руководили СПРПЦ и СДРК. Первоначально существовали проблемы с формированием штата уполномоченных, но впоследствии они были в основном сняты. Так, в 1948 г. Совет по делам РПЦ имел в своем управлении 105 уполномоченных, больше половины из них были в возрасте старше 50 лет. При этом с высшим образованием среди них было всего 18 человек, а с незаконченным средним и низшим – больше половины. Можно предполагать, каким уровнем познаний в области религиозно-церковных дел обладали эти работники. Но зато у большинства из них был длительный партстаж: 65 человек до назначения на должность уполномоченного находились на партийной или советской работе, а каждый пятый до этого служил в органах МГБ–МВД [2. Л. 57]. Неслучайно поэтому председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов (сам бывший чекист), анализируя состав уполномоченных, отмечал, что он (состав) «в политическом и деловом отношении в основном удовлетворительный и соответствует занимаемой должности» [Там же. Л. 58]. Но, конечно, встречались и такие, чья работа или поведение не удовлетворяли Совет. Основной объем работы у уполномоченных в 1940-е гг., как уже отмечено, был связан с рассмотрением вопроса о возвращении и открытии храмов и регистрацией религиозных объединений.

Порядок выдачи разрешений на открытие церквей и молитвенных домов и их регистрации был определен еще в конце 1943 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров. Этот документ отводил решающую роль в вопросах открытия областным и краевым исполнительным комитетам и советам министров союзных республик. Те на свое усмотрение, когда находили нужным и возможным, могли удовлетворить или отклонить ходатайства верующих. Совет получал с мест пакеты соответствующих документов и, не подвергая пересмотру отклоненные облисполкомами ходатайства, выносил соответствующее решение и представлял его на утверждение в СНК. Правда, в дополнение к постановлению от 28 ноября 1943 г. № 1325, по которому до этого решались вопросы разрешений и отклонений ходатайств, 1 декабря 1944 г. СНК СССР вынес еще одно постановление «О православных церквях и молитвенных домах». В п. 3 данного постановления Совету по делам Русской православной церкви при Совнаркоме позволялось, вопреки отрицательному решению облисполкомов, в двух случаях удовлетворять ходатайства верующих об открытии храма. Первым случаем выступало отсутствие в данном районе или городе уже действовавшей церкви. Вторым условием было значительное расстояние между открытым храмом и местом жительства заявителей [Там же. Л. 85].

По данным Совета по делам РПЦ, за 1944–1945 гг. в его адрес и в адрес его уполномоченных на местах поступило 20 689 ходатайств об открытии 4 998 церквей и молитвенных домов. Иначе говоря, в среднем на открытие одной церкви подавалось более 4 прошений.

Кроме письменных заявлений и просьб, Совет и уполномоченные за период 1944–1947 гг. приняли 24 607 посетителей все по тому же вопросу: дать разрешение на возобновление деятельности православного храма. То есть чаще всего верующие не надеялись, что их письменное ходатайство найдет ожидаемый ими отклик, и стремились зафиксировать свое прошение через личную встречу с теми, от кого во многом зависело, как будет решен их вопрос.

За эти же годы на местах, т.е. в советах министров республик, край- и облисполкомах, было рассмотрено 20 143 ходатайства. При этом 75,7% из них были отклонены, и только 22,3% заявлений получили положительную резолюцию властей. Иначе говоря, было открыто по этим заявлениям только 1 270 церквей, а 4 418 храмов так и не были возвращены православным верующим.

Показателен факт динамики подачи ходатайств по годам. Если в 1944 г. верующие подали 6 627 заявлений, то в 1947 г. эта цифра уменьшилась почти вдвое, и не потому что все предыдущие просьбы были удовлетворены, а потому что инициаторы уже потеряли всякую надежду на открытие церквей. Тем не менее за первый квартал 1948 г. в Совет пришло 702 ходатайства об открытии 583 церквей и молитвенных домов. При этом на 155 церквей заявления поступили впервые с начала кампании по возобновлению деятельности приходов. Число же ходатаев, приехавших в Совет и обратившихся к местным уполномоченным за 3 месяца 1948 г., было даже больше, чем письменных обращений – 883 человека [2. Л. 84]. Некоторые просители приходили к местным уполномоченным до 100 раз.

Примечательно и то, что подавляющее число ходатаев (более 95 %) просили об открытии церквей на территории РФ. По-видимому, это связано с тем, что на территории Украины и Белоруссии часть приходов возобновили свою деятельность еще в период Великой Отечественной войны. В свою очередь, наиболее активными были верующие Рязанской, Московской, Воронежской, Горьковской и Ивановской областей [2. Л.85].

Мотивы для отказа облисполкомами и республиканскими советами министров были самыми разнообразными, но в основном сводились к следующим:

- 1) в районе уже имеется действующая церковь, где верующие вполне могут удовлетворять свои религиозные потребности;

- 2) помещение церкви переоборудовано и используется под хозяйственные и прочие нужды;

- 3) здание храма невозможно восстановить, поскольку оно по разным причинам было сильно разрушено.

Но наиболее частой формулировкой отказа было простое словосочетание «ввиду нецелесообразности» [Там же. Л. 94].

Таким образом, очевидно, что период так называемого поворота Сталина к Русской православной церкви подошел к концу, продлившись всего четыре года. Это поняли и верующие, хотя часть из них не оставляла попыток добиться результата. Совет по делам РПЦ пребывал в некотором смущении. Дело в том, что к означенному времени большая часть обращений была

по поводу возврата тех церквей, по которым в свое время не было принято решений; они стояли пустыми и даже сохранили часть церковного убранства и богослужебного имущества. Более того, даже ключи от закрытых храмов находились у верующих. Иначе говоря, очевидных аргументов для отказа верующим в данном случае не было. Среди означенной группы ходатаев преобладали лица преклонного возраста, которые регулярно совершали религиозные службы на дому. Чтобы смягчить для себя ситуации, местные власти настойчиво искали среди активистов-просителей тех, кто, по их мнению, добивался открытия церкви по своекорыстным интересам, рассчитывая в последующем «занять доходное место у церковного ящика» [Там же. Л. 93]. В таких случаях отказ было легче сформулировать.

В целом к 1948 г. Совет по делам РПЦ оказался в затруднительном положении: как действовать дальше, как «в данный момент относиться к ходатайствам верующих об открытии церквей?» [Там же. Л. 84].

В таких условиях Совет по делам РПЦ посредством письма его председателя Г. Карпова обратился в Совет министров СССР с предложением, что «в данный момент было бы неправильным отклонять все ходатайства верующих». Правда, причиной для такого предложения стало не желание пойти навстречу этим самым верующим, а опасение, что «будет расти нелегальное отправление религиозных обрядов и служб, которые совершаются чаще всего разными темными и антисоветскими лицами» [Там же. Л. 94]. Более того, как полагал Совет, они будут настраивать верующую часть населения против советской власти, используя тот факт, что молиться приходится тайно и по домам, в то время как здание церкви находится в пригодном для службы состоянии, а власти без всяких причин не передают его общине. Все это в совокупности, подчеркнул Г. Карпов, может привести к усилению религиозности, а не ослабить ее. Исходя из этого, Совет сформулировал для правительства предложение, что открытие в данный момент некоторого количества церквей (не в таком, конечно, масштабе, как раньше) будет наименьшим злом для государства. Почему меньшим? Да потому, что церкви разрешат открывать на определенных условиях, и в любое время можно будет проверить, как они выполняются. Кроме данного довода в пользу дачи разрешений на открытие церквей Совет приводил и еще одно: слишком часто религиозные обряды проводились незарегистрированными служителями культа, а то и «разного рода примазавшимися проходимцами». Поэтому Совет полагал, что, помимо ужесточения контроля за деятельностью незарегистрированных попов со стороны МВД и МГБ, официальное открытие церквей сделает подконтрольной и деятельность тех, кто несет в них службы. Казалось, столь убедительные и логичные доводы Совета по делам РПЦ должны были найти подобающую реакцию в Совете министров, который дал бы соответствующие указания местным властям. Но хорошо известно, что никакого роста числа открытых православных храмов ни в 1948, ни в последующие годы не было. Наоборот, начался процесс пока не массового и не повсеместно-

го, но снятия с регистрации тех приходов, которые возобновили свою деятельность в 1943–1946 гг.

Параллельно с сокращением, а затем и прекращением выдачи разрешений на открытие церквей к концу 1940-х гг. участились случаи слома, разборки или капитального переоборудования зданий сохранившихся храмов. Правда, такая превентивная работа местных властей являлась нарушением Постановления СНК СССР от 1 декабря 1944 г., которым запрещалось производить слом или переоборудование молитвенных зданий без специального разрешения Совета. Но власти на местах самостоятельно принимали такие решения. Понятно, что это делалось как раз для того, чтобы в причинах отказа верующим можно было написать, что здание переоборудовано или не сохранилось. Так, например, верующие г. Салаир в Кемеровской области начиная с 1944 г. ходатайствовали об открытии (возвращении) церкви, подали во властные инстанции 11 заявлений. Но вместо удовлетворения просьбы Гурьевский горисполком в июне 1946 г. дал разрешение Салаирскому приску на переоборудование помещения храма под клуб. В конце 1947 г. стали производиться работы по снятию куполов и крестов со здания. Верующие устраивали пикеты, но разрушительные действия продолжались, пока Совет по делам РПЦ не дал указание прекратить переоборудование [2. Л. 96]. А вот в селе Сергеевка Анжеро-Судженского района этой же области местные власти в лице председателя сельсовета и местного избача самовольно приступили к переоборудованию церковного здания, дабы верующим нельзя было ссылаться на наличие такового и требовать возобновления в нем религиозных служб. И вновь верующие выступили с протестом. Тогда сельсоветчик и заведующий избой-читальней стали их оскорблять, а заведующий ссыпным пунктом демонстративно схватил топор и начал колотить на мелкие части находившиеся в церкви иконы [Там же. Л. 99]. Из приведенных примеров становится очевидным, что власти на местах верно уловили суть «сталинского поворота» к церкви, понимая, что это временная мера и долго длиться заигрывание с церковью не будет, и в меру этого понимания принимали самостоятельные меры по недопущению открытия большого количества церквей.

На это же указывали действия властей, отвечавших за проведение антирелигиозной работы. Так, секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов в записке «О недостатках в постановке атеистической пропаганды», отправленной им на имя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Шепилова (1948) мужественно признавался, что атеистическая пропаганда в комсомоле запущена, а ЦК ВЛКСМ и большинство местных комсомольских организаций в течение ряда лет не обсуждали этот вопрос. Комсомольские организации явно недооценивали вред церковного влияния на молодежь, перестали вести атеистическое воспитание. В то же время многочисленные факты свидетельствовали о росте влияния религии на молодежь, представители которой совершают религиозные обряды, посещают церковь или состоят в сектах. Комсомольский вожак пообещал, что комсомол исправится и активизирует антирелигиозный поход [Там же. Л. 124].

Анализируя политику государства в религиозном вопросе в конце 1940-х гг., нельзя не затронуть ее теоретические обоснования, концептуальные подходы, как они выдвинулись в сравнении с 1920–1930-ми гг. Понятно, что в своей основе политика партии и большевистского государства была неизменна и базировалась на постулатах марксизма-ленинизма, объясняющих социальные корни религии и ее сущность, выводящих ее из условий материальной жизни общества. Азбукой марксизма считалась фраза В.И. Ленина о том, что коммунисты «должны бороться с религией». Партия и в 1940-е гг. четко артикулировала положения, что все «современные религии, особенно католическая, играют реакционную роль, а церкви в капиталистических странах ведут ожесточенную борьбу против СССР и стран народной демократии» [3. Л. 35]. Исходя из таких представлений, партия подчеркивала, что не может допустить никакого примирения к религиозным предубеждениям и религиозной идеологии, а всякая недооценка вреда, который приносит религиозные пережитки делу строительства коммунизма, нетерпимы [Там же]. Еще более недопустимыми считались представления о том, что религия в социалистическом обществе может играть хоть какую-то положительную роль.

Значительный интерес для понимания теоретических установок при выработке конфессиональной политики в послевоенный период представляют положения письма заместителя председателя Совета по делам религиозных культов Ю. Садовского, которое он направил в сентябре 1948 г. в адрес того же Д. Шепилова. В нем (письме) автор попытался предстать в статусе не только действующего функционера, но и некоего теоретика, изложив не только свое видение того, как должна строиться работа ведомства с религиозными организациями, но и собственные мысли по поводу религии, веры, церкви вообще.

Начал он свое послание с заявления, что религия и церковь – понятия, немыслимые друг без друга, но далеко не идентичные. Религия – одна из форм идеологии, лишенная, по его мнению и в соответствии с марксистско-ленинским учением, в условиях социализма питающих ее корней и существующая лишь в качестве одного из пережитков в сознании. Это позволяет, посчитал т. Садовский, рассматривать массу верующих лишь в качестве ее (церкви) социального и экономического базиса, который притом колеблется и в «возрастающем темпе разрушается в вероисповедном и ритуальном отношении». Этот базис, или масса верующих, пассивна как никогда ранее, подвергается новаторским влияниям и слабо организована и цементирована [Там же. Л. 131].

В отличие от верующих, – рассуждал далее ответчик Совета по делам религиозных культов, – церковь – это хорошо организованная, спаянная иерархией и дисциплиной корпорация духовенства плюс религиозный актив, не только обслуживающие и организующие массу, но и порождающие стремление к организованному отправлению культов. Современная церковь, «выросшая и расцветшая на гноище религиозных предрассудков и являющаяся атрибутом капиталистического общества, в условиях социалистиче-

ского общества превратилась, во многих отношениях, из плода в питательную среду, подогревая и возбуждая полузабытые стремления» [3. Л. 131]. Эти дремавшие стремления, по мысли автора, были разбужены войной, когда церковь поддерживала и усиливала этот толчок. Теперь (т.е. в 1948 г.) церковь живет лишь инерцией этого пробуждения, всеми силами старается сохранить это движение, которое все-таки, по оценке Ю. Садовского, имеет тенденцию к затуханию. Он предположил, что церковь, отдавая отчет о наступающем спаде религиозных настроений, вполне возможно, в «ближайшем будущем попытается какими-то новыми средствами «выпрямить» ситуацию [Там же. Л. 132].

Обрисовав таким образом современное положение, теоретик из Совета по делам религиозных культов далее яркими аргументами стал доказывать, что у церкви с этим ничего не получится, сколько бы она ни пыталась спрятаться «за ширму “потусторонности”». Тем более что политическая окраска церкви все равно будет проявляться. Потерпев поражение в прошлом в прямом противостоянии с советским государством, церковь теперь не стремится к политическому разрыву с государством. Более того, «она пока лояльна и положительно выполняет свои функции, вытекающие из своего союза с ним» [Там же].

В этом пассаже Ю. Садовского примечательны два момента. Первый – он признает, что церковь, выражая признательность за то, что государство на какое-то время повернулось к ней «лицом», выполняет для него важные задачи. Имелось в виду, скорее всего, формирование положительного внешнего имиджа страны и четко выраженная патриотическая позиция церкви. Второй момент обозначен словом «пока», иначе говоря, автор считал, что такая «положительная» позиция церкви – дело временное и вынужденное. Он далее именно в таком духе и развил свою мысль. «Следует предположить, – продолжал составитель записки, – что по мере освобождения массы от религиозных предрассудков будет сокращаться социально-экономическая база церкви, что вызовет кристаллизацию вокруг нее классово-враждебных элементов» [Там же]. Это-то и ослабит симбиоз церкви с социалистическим государством и даже превратит ее из идеологически противоположной силы в политически враждебную.

Таким образом, через 30 лет советской власти церковь упорно записывали во врага. Но автор верил, что до этого все-таки не дойдет, поскольку верующих скоро совсем не останется, церковь останется ни с кем и ни с чем, а пока она в качестве организатора масс верующих играет положительную роль. В том смысле, что эту организованную массу государству легче контролировать, нежели стихийные группы верующих. Именно для этого церковь пока надо сохранить и в известной степени поддерживать при условии строгого контроля и регулирования. И это означает для государства выбор меньшего из двух зол. Далее Ю. Садовский изложил свое видение, как, в целом пока сохраняя церковь, можно и нужно бороться и с ней, и с религией особенно. Да, нужна наступательная антирелигиозная пропаганда, энергичная, широкая, но при некотором снижении антиклерикального накала. Пропаганда

пока должна не столько разрушать церковь, сколько постепенно уничтожать ее базу, т.е. освобождать сознание масс от религиозных предрассудков. Желательно при этом избегать излишних обвинений духовенства и верующих в политической враждебности [Там же. Л. 132].

Помимо теоретических изысканий один из видных антирелигиозников страны предложил в тактическом порядке применять строго конъюнктурно следующие меры.

1. Следует активно пропагандировать наличие свободы совести в стране и, стало быть, свободы отправления культа. Целевая установка такой работы – опровергать клеветнические измышления, широко и крепко бытующие в массах, и показать возможность политического сосуществования двух идеологических систем, борющихся между собой только силой идей.

2. Продолжить разоблачать деятельность реакционного духовенства и политических бизнесменов, прикрывающихся церковью и использующих ее для своих реакционных целей, ничего общего не имеющих с церковью. Целевой установкой данного вида деятельности станет доказательство, что коммунисты не ведут политической борьбы с церковью как таковой, а лишь стремятся обезопасить трудящихся от происков политических дельцов, угрожающих ввергнуть мир в новую войну и бедствия.

3. Популяризировать и поддерживать все прогрессивные проявления, с чьей бы стороны они ни исходили.

4. Вести работу против объединительных тенденций в отдельных конфессиях, по ослаблению авторитета уже сложившихся объединений, внести в них раскол [Там же. Л. 133–135].

Итак, рассмотренный документ позволяет наиболее полно и адекватно получить представление о том, какие взгляды существовали на настоящее и будущее церкви непосредственно у тех людей, кто отвечал за «религиозный вопрос» в стране. При этом следует иметь в виду, что, скорее всего, Ю. Садовский, употребляя термин «церковь», использовал его в широком смысле слова, не только применительно к одной из них, и не только к РПЦ, но объединял под ним все религиозные объединения, имевшиеся в СССР, или по крайней мере те из них, чье существование было легально разрешено. Очевидны полное недоверие к искренности церкви, уверенность в ее вынужденном приспособлении к новым реалиям. Церковь в СССР обречена, у нее нет никаких шансов сохраниться, так как под воздействием социалистических преобразований и усиленной воспитательной работы верующие перестанут нуждаться в религиозно-церковной помощи. Но пока у церкви есть приверженцы, надо с максимальной выгодой для государства использовать ее.

Такие настроения были в целом характерны для партийно-советского руководства этого периода. Об этом свидетельствует и пометка на письме Ю. Садовского, сделанная заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Болговым о том, что предложения автора письма были учтены при разработке проекта постановления ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде» [2. Л. 138]. Такой проект,

правда, под названием «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний», действительно был разработан. В нем Центральный комитет подчеркнул, что в ряде областей страны были «отмечены значительное оживление религиозной идеологии и возрождение предрассудков, суеверий и варварских обрядов старины», что проявилось в проведении крестных ходов, водосвятия, крещенских купаниях и др. [З. Л. 19]. Причины такого оживления партийные идеологи увидели в усилении активности церковников, с одной стороны, и в ослаблении антирелигиозной работы со стороны местных партийных организаций, занявших позицию нейтралитета по отношению к религиозной идеологии, – с другой. Отмечалась и недостаточная атеистическая работа центральной и местной печати, практически всех культурно-досуговых, воспитательных и образовательных учреждений, общества по распространению научных знаний. ЦК видел причину такого положения дел в том, что, дескать, многие члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в СССР сделали ошибочный вывод, что отныне можно не вести антирелигиозную пропаганду, что религия со временем сама отомрет. Более того, ряд партийных и советских работников по своей политической близорукости попросту попустительствовали церковникам. Совершенно недопустимыми в проекте постановления признавались факты обращения советских и хозяйственных руководителей к церкви за помощью в проведении различного рода хозяйственно-политических кампаний, займа денег из церковных касс или, наоборот, дачи займы общинам денежных средств. Повсеместно наблюдалось примиренческое отношение и к участию коммунистов и комсомольцев в религиозных обрядах, празднованию красных дат церковного календаря и др. [Там же. Л. 19–20]. Но наибольший интерес в проекте постановления представляла та его часть, в которой жесткой критике подвергся Совет по делам РПЦ, который, по мнению авторов документа, занял вообще неправильную линию в своих делах. Совет был обвинен в том, что превысил свои полномочия вместо того, чтобы быть просто связующим звеном между государством и РПЦ. Он проявлял инициативу, стал давать местным органам власти инструкции. Незаконно расширил права уполномоченных на местах и вообще дал «неправильную ориентацию, благоприятствовавшую

росту церковных организаций и религиозного движения в целом. Дело дошло до того, что некоторые уполномоченные Совета стали видеть свое главное назначение в оказании содействия религиозным организациям. Такая ситуация не могла устраивать коммунистическую партию, поэтому в постановлении напоминалось, что, не ведя борьбу с религией, невозможно успешно решить вопрос о коммунистическом воспитании трудящихся.

Предложения в постановляющей части документа были довольно решительными, среди них звучали идеи ограничить полномочия Совета по делам РПЦ. Его председателю Г. Карпову планировалось объявить выговор. Более того, была выдвинута идея вообще ликвидировать Совет по делам РПЦ как таковой.

Постановление в таком варианте не было принято, но разработка подобного рода проекта в 1948–1949 гг. свидетельствовала о многом. Во-первых, в документе находилось подтверждение того, что принятый в годы войны И. Сталиным в отношении церкви курс оказался не совсем понятным советскому и партийному активу на местах, часть из которого находилась в недоумении: «А за что боролись до этого?» Некоторая часть восприняла его как «отбой» жесткой антирелигиозной работе. Во-вторых, очевидно, что в партийном руководстве широко было распространено мнение, что период «заигрывания» с церковью, начавшийся в 1943 г., пора заканчивать, поскольку теперь острой нужды в патриотической поддержке церковью и верующими советского государства нет. За пять лет не только укрепилась церковь, но и возрос интерес к религии, что совсем не входило в планы богоборческого государства. Ну и, наконец, такие обсуждения в ЦК партии и появление подобного рода проекта, который все-таки не стал постановлением, свидетельствовали о наличии в высшем партийном руководстве довольно противоречивых представлений о том, как строить религиозную политику в дальнейшем. Тогда, в 1949 г., дело ограничилось принятием довольно нейтрального, в отличие от вышеописанного проекта, постановления об усилении пропаганды научно-материалистических знаний.

Таким образом, очевидно, что проявившаяся в годы войны тенденция к облегчению положения религиозных организаций в СССР к концу 1940-х гг. стала подвергаться ревизии, что более соответствовало антирелигиозной сущности советской системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосковец Л.И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 252 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 6.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10.

Lyubov I. Soskovets, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: ivitca56@mail.ru

YEAR OF 1948 IN THE CONFESSIONAL POLICY OF THE STATE AND THE LIFE OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS OF THE USSR

Keywords: confessional politics; religious organizations; authorities; believers.

The purpose of this article was to clarify the reasons of the changes of the Soviet state policy in relation to religious organizations in the end of 1948 and its impact on their position in Soviet society. The research was based on the analysis of documents of the Russian State Archive of Socio-Political History, which were not previously included in historical publications. The study applied traditional methods and approaches, both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, a systematic approach, etc.), and general historical (historical-genetic, comparative, problematic-chronological, typological, etc.).

The author describes the religious situation in the country during the war and post-war period. In addition, the author emphasizes that the Bolshevik leadership, which from the first years of Soviet power was engaged in uncompromising struggle against religion, church and believers, was forced to suspend the onslaught in wartime conditions. The main reasons are determined, that required some changes in politics in the religious sphere during the years of World War II. This is the need to consolidate society in the fight against the enemy, take into account the patriotic position of religious associations and create a positive image in the eyes of the allies of the anti-Hitler coalition and the population of new territories attached in the beginning of the war.

Since 1943, a period of a certain revival of religious life in the country began: the leading structures of churches were re-established, religious groups began to be officially registered, which allowed their legal existence in the USSR. The author explains that the registration procedure was long and multi-stage, there were a lot of applications from believers to recognize their association, but the authorities initially embarked on a limited issue of permits. Nevertheless, Orthodox churches and houses of worship of a number of other faiths (Muslims, Baptists, Old Believers, Catholics) began to open throughout the country in 1943. Some religions remained unrecognized as they were before.

The author believes that it was obvious that the regime did not plan a full-scale revival of religious life. It turns out that from 1946-1947 the number of issued registration permits sharply decreased, and since 1948 this process ceased at all. Since that time, all the applications of believers for the opening of a temple were categorically rejected. Moreover, there were cases when, the prayer houses opened during the war and the first post-war years were closed under various pretexts. The author emphasizes that the Soviet leadership came to the decision to close the "liberal" course in relation to religious organizations, returning to the old methods of anti-religious direction.

Based on the studied archival documents of the Soviet and party leaders, the author concludes that in the year of 1948 completed that short period, which was marked by some warming in the confessional policy of the Soviet state. According to the article, firstly, this is due to the fact that a part of the tasks of the new course in religious politics was solved, and secondly, the Bolshevik party never abandoned its plans to destroy religion in the country as an alien ideology and eliminate religious institutions as vehicles of this ideology and atheistic reeducation of believers.

REFERENCES

1. Soskovets, L.I. (2008) *Religioznye organizatsii i veruyushchie v sovetskom gosudarstve* [Religious organizations and believers in the Soviet state]. Tomsk: TML-Press.
2. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 6.
3. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 10.